

Реликты некоторых древнерусских явлений в современном русском языке

Цель статьи состоит в определении реликтовых случаев сохранения древнерусских явлений в современном русском языке с использованием метода сопоставления синхронных срезов. Большая часть элементов древнерусской системы подверглась эволюции; некоторые из них полностью исчезли (например морфемы-релятивизаторы *то* и *же*), другие (например, склонение в ед. числе сущ. жен. рода с основой на **ŷ*) остались неизменными, третьи (такие, как инфинитив *рюти*) сохранились лишь в части диалектов, четвертые не вошли в русский литературный язык, но присутствуют в русской разговорной речи и диалектах (например, неопределенные местоимения, совпадающие с вопросительными). Отдельные явления остались в русском языке только в качестве реликтов. Реликты древних языковых явлений разнотипны и зачастую имеют достаточно нетривиальный характер.

Ключевые слова: *древнерусский язык; русские диалекты; современный русский язык; языковая эволюция; реликты языковых явлений.*

Elena A. Galinskaya

Relics of Some Old Russian Linguistics Features in Modern Russian.

This paper's aim is to identify some Old Russian linguistic relics in present-day Russian. For this purpose, the method of comparison of synchronous linguistic levels is used. Most elements of the Old Russian linguistic system have undergone some kind of evolution; some of them disappeared completely (e.g., relativizers *to* and *že*), or stayed unchanged (e.g., the declension in singular of feminine **ŷ*-stem nouns), or survived only in some dialects (e.g., infinitive *r'uti*), or are absent from the standard language, but exist in the colloquial language and dialects (e.g., indefinite pronouns identical to interrogative pronouns). Some features are present in the Russian language as unique relics only. Such relics are manifold and sometimes not easily recognizable.

Key-words: *Old Russian language; Russian dialects; Modern Russian; language change; relics of linguistic features.*

В результате исторического развития древнерусского языка судьба языковых единиц фонетической, морфологической и синтаксической подсистем была

Елена Аркадьевна Галинская, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, филологический факультет

E-mail: eagalinsk@mail.ru

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Ленинские горы, д. 1, стр. 51, Москва, 119991, Россия

Moscow State Lomonosov University

1–51 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Галинская Е.А. Реликты некоторых древнерусских явлений в современном русском языке // Русский язык в школе. – 2018. – № 8. – С. 59–65. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-8-59-65.

неоднозначной. Некоторые элементы полностью исчезли, другие остались неизменными, третьи сохранились лишь в части диалектов, четвертые не вошли в русский литературный язык, но присутствуют в русской разговорной речи и диалектах. Отдельные явления, которым и будет уделено основное внимание в статье, остались в русском языке только в качестве реликтов. И, конечно, в процессе развития языка шли фонетические, морфологические и синтаксические преобразования исходных элементов, приведшие к их видоизменению.

Продemonстрируем несколько примеров как полного исчезновения отдельных древнерусских явлений, так и их сохранения, в том числе только диалектного или диалектного / разговорного.

Примером *полностью утраченного в русском языке явления* можно считать морфемы-релятивизаторы *же* и *то*, которые следовали непосредственно за вопросительным местоимением или местоименным наречием и превращали его в относительное. Этот способ образования относительных местоимений был впервые отмечен А.А. Зализняком [Зализняк 1980], ср. приводимые им примеры: *вывести юмоу послухы любо мытника передъ кымъ же коупивше* 'он должен представить свидетелей или сборщика пошлин, при которых он купил' (Русская правда по Новгородской кормчей 1282 г.); *и всемъ темъ кто то на оустоко моря ходитъ* 'и всем, кто плавает по Балтийскому морю' (Смоленская грамота 1229 г., сп. А). По наблюдениям А.А. Зализняка, в великорусской зоне модель с релятивизатором *то* исчезает к XV в. Дольше удерживается модель с релятивизатором *же*, но в украинско-белорусской зоне — не меньше чем до конца XVI в. [Зализняк 1980: 92].

В качестве примера *полного сохранения древнерусских особенностей* можно привести, в частности, наосновное ударение у большинства слов древней акцентной парадигмы *a* (ср. такие лексемы, как существительное *баба* или глагол *стать* во всех их формах) и флексийное ударение, и сейчас присущее многим существительным древней акцентной парадигмы *b*¹ (ср. акцентное поведение таких, например, слов, как *раб* или *король*), в чем можно убедиться, обратившись к данным акцентологического словаря А.А. Зализняка [Зализняк 2014]. Неизменным осталось склонение существительных жен. рода с основой на **ĭ*, которое сейчас называется 3-м (речь идет, конечно, только о формах ед. числа — с точностью до утраченной русским языком звательной формы, — так как теперь во мн. числе типы субстантивных склонений не выделяются ввиду произошедшей в истории языка унификации подпарадигм мн. числа).

Приведем примеры *отсутствия древнерусских явлений в современном литературном языке и присутствия их в русских диалектах*. В древнерусском языке было два глагола со значением 'реветь' — *рюти* (*реву, ревиши ... ревутъ*) и *ревѣти* (*ревлѹ, ревиши ... реваѣтъ*). Большая часть русских диалектов

и в том числе те, на основе которых сложился русский литературный язык, объединили эти глаголы в один: спрягаемые формы *реву, ревишь ... ревут* унаследованы от глагола *рюти*, а инфинитив *реветь* — от глагола *ревѣти*. Однако есть говоры, сохраняющие формы наст. времени типа *ревит* (*ревит волк* Жиздр., Калуж.; *Как кочеток ревит океанный* Ряз.; *Прямо в избе ревит мужик* Ряз. [Словарь русских народных говоров: 8]². Отмечен в Словаре русских народных говоров и инфинитив *рють, рюти* 'реветь (о животных)' Смол., 'кричать (от боли)' Смол., 'плакать' Жиздр., Мосал., Калуж. [Там же: 328]. Диалектная форма прош. времени *рюл* упоминается в учебнике русской диалектологии под ред. Л.Л. Касаткина [Русская диалектология 2005: 141]. Осколок акцентологической древности сохраняется в обширной северо-восточной диалектной зоне и на крайнем западе территории исконного распространения русского языка. Здесь представлены глаголы исконной акцентной парадигмы с ударением на окончании во 2-м лице мн. числа: *несетѣ, беретѣ* [Диалектологический атлас русского языка: карта 85] (ср. форму с проставленным ударением из Чудовского Нового Завета XIV в. *несете* [Зализняк 2014: 324]).

Есть и такие древние явления, которые *сохранились в диалектах и в разговорной речи носителей литературного языка*, но не нашли продолжения в русском литературном языке. Так, в древнерусский период было значительно меньше неопределенных местоимений, чем сейчас. К ним относились местоимения с приставкой *нѣ-*: *нѣкъто, нѣчто, нѣкакыи, нѣкоторые, нѣколико, нѣчиш*; изредка при вопросительных местоимениях употреблялись частицы *любо* и (редко) *либо*, которые подчеркивали значение неопределенности: *остави дѣло земльнокъ коѣмъ любо. и иди на дшевьную пищу* 'оставь какие бы то ни было земные дела и принимай духовную пищу' (Изборник Святослава 1076 г.); *възимати каквоу либо честь* [вместо *часть*] *ѡ* <...> *имѣнии* 'брать какую-либо часть от <...> имущества' (Рязанская кормчая 1284 г.), а местоимения с постфиксами *-то, -ни-будь* и префиксом *кое-* являются поздними

² В словаре ошибочно указана начальная форма *ревить*, видимо, восстановленная по формам презенса. При этом примеров на употребление такого инфинитива или форм прош. времени с основой **реви-* не приводится.

¹ О древнерусских акцентных парадигмах см.: [Зализняк 1985: 125–127].

образованиями. Однако в функции неопределенных в древности свободно использовались вопросительные местоимения. Ср.:

аже *кто* ударить мечемь · не вынезь его или роукоятыю · то · вѣ · грѣне · продаже за обиду · если *кто-то* ударит мечом, не вынув его <из ножен>, или рукоятю, то <платить> 12 гривен штрафа за ущерб'. (Русская правда по Новгородской кормчей 1282 г.);

паки ли боудеть *что* татебно коупиль въ тѣргоу · или конь или пѣръть · или скотиноу · то выведеть свободна моужа два · или мытника 'если <кто-то> купит на рынке *что-нибудь* краденое: коня, одежду или скотину, то он должен представить в качестве свидетелей двух свободных людей или сборщика торговых пошлин'. (Там же).

Такое употребление присуще и современной русской разговорной речи. Ср. примеры из устного подкорпуса НКРЯ (<http://www.ruscorpora.ru>):

Да/если *кто* спросит / всегда можно сказать / ну мы же предлагали им. (Беседа С. Бунтмана с журналистами в эфире радиостанции «Эхо Москвы» // «Эхо Москвы», 2003–2004);

Потому что если *что* непонятно / подойдешь к преподавателю / он там тебе все объяснит. (Разговоры знакомых // Из материалов Ульяновского университета, 2007).

То же находим и в диалектной речи. Ср.:

Ну *какая* людей кусала (речь идет о змее. — Е.Г.), тая вжо е, она туда не идёт, после Здвиженья (Калужская обл., Хвастовичский р-н, д. Бояновичи) [Русские народные говоры 1999: 34]³.

Другим примером могут служить отголоски своеобразной синтаксической особенности древнерусского языка, которая состояла в нарушении принципа проективности, когда словосочетание разрывается словом или группой слов, не подчиненных ни одному из членов данного словосочетания (о принципе проективности в современном русском и других языках см.: [Тестелец 2001: 94–101]). Дистантное расположение членов словосочетания встречается в древнерусских текстах — как бытовых, например берестяных грамотах, так и летописных. Ср. примеры, приводимые

А.А. Зализняком, описавшим нарушение принципа проективности в древнерусском языке:

Жизнобуде погоублене оу Сычевиць *новгородске смърде* 'Сычевичами убит Жизнобуд, новгородский смерд' (Новг. берест. гр. № 607/562, XI в.);

и кнѣзъ полотьскыи оумре Борисъ Всеславиць и *Завидъ* посадникъ новгородскыи оумре *Дмитровиць* 'и князь полоцкий Борис Всеславич умер, и Завид Дмитриевич, новгородский посадник, умер' (Новгородская I летопись, запись под 1128 г.) [Зализняк 2004: 189–190].

Для современного русского литературного языка в немаркированных случаях характерно соблюдение принципа проективности⁴. «Непроективность обычно маркирована, т.е. несет некую особую информацию, которая в соответствующем проективном предложении не содержится. Такой информацией может быть определенное значение (например, значение вопроса) или указание на признак ситуации речи, стиль и т.п.» [Тестелец 2001: 98]. Непроективные предложения, однако, сохранились и активно употребляются в русской разговорной речи, ср.: *Очень они хорошие были люди* (пример Я.Г. Тестельца [Там же]). Свойственны они и русским диалектам, ср.: *А ины так и вот навазили дверей з города красных этих* (Смоленская обл., Починковский р-н, д. Шаталово) [Русские народные говоры: 16].

В русском языке, как было сказано выше, есть и *нетривиальные случаи реликтового сохранения отдельных элементов* при том, что древнерусская языковая особенность, осколками которой они являются, на протяжении истории языка нивелировалась. Можно, в первую очередь, найти такие элементы во фразеологизмах, что легко объяснимо устойчивостью фразеологических оборотов, которая способствует консервации старых форм. Приведем лишь некоторые примеры. Эффект II палатализации заднеязычных согласных, утраченный русским языком на стыках основ и окончаний, мы видим в выражении *почить в бозе* (*бозь* — местный падеж от *богъ*). Утраченное слово *полома* с полногласием (его заменил церковнославянизм с неполногласием в корне *пламя*), но уже в огласовке *полюмя* удержалось во фразеологизме

³ Здесь и далее примеры приведены в орфографической записи, а не в транскрипции, в которой представлены звучащие тексты в [Русские народные говоры].

⁴ Исключением является поэзия, где правила порядка слов существенно отличаются от прозы [Тестелец 2001: 98].

из огня да в полымя. Краткие формы прилагательных, некогда употреблявшиеся в атрибутивной функции (например, *идахоу люди сосновую кору и листь липовъ и мохъ* 'люди ели сосновую кору, и липовые листья, и мох' (Новгородская I летопись по Синодальному сп., запись под 1215 г.)) и вытесненные из нее в истории языка полными прилагательными, сохранились в таких фразеологических сочетаниях, как *по белу свету, средь бела дня, на босу ногу, сыр бор разгорелся*. Древнерусская форма 3-го лица ед. числа нетематического глагола *въдѣти* дошла до наших дней во фразеологизме *бог вестъ*.

Но имеются реликтовые случаи сохранения древнерусских фонетических и морфологических явлений и во фразеологически не связанных лексемах.

История русского ударения показывает, что многие слова изменили акцентную парадигму. Так, слово *верх* (древнерусск. *върхъ*) относилось к акцентной парадигме *b*, имевшей флексийное ударение, но перешло с течением времени в акцентную парадигму *c*, характеризующуюся маргинально-подвижным ударением (ср. совр. *вѣрха, вѣрху, верхом, верхов* и т.д.). Однако адвербиализировавшийся Тв. падеж этого слова — современное наречие *верхом* — сохраняет старое древнерусское ударение.

Есть наречия, в составе которых закрепились формы существительных, утраченные в русском языке. Так, исконно существительные муж. и ср. рода склонения с древней основой на *-*ō* имели в Д. падеже мн. числа окончание *-омъ*, но оно не удержалось и повсеместно было заменено окончанием *-ам* (ср. древнерусск. *столомъ* и совр. русск. *столам*). Однако наречие *поделом* сохраняет в своем составе форму древнего Д. падежа. В современном русском языке мы наблюдаем и осколок исчезнувшего двойственного числа в наречии *воочию*. Оно является реликтовой формой местного падежа двойственного числа с предлогом (буквально — *в (двух) глазах*). Если говорить об остатках двойственного числа, следует упомянуть и прилагательное *двогородный*, первая часть которого представляет собой архаичную форму Р. падежа слова *дѣва* (прилагательное *троюродный* — аналогичное образование). А в прилагательных типа *двусторонний, двуперстный*

первая часть являет собой древнерусское новообразование — Р. падеж двойственного числа слова *дѣва* с окончанием *-у*⁵.

Дошла до наших дней единственная старая форма с окончанием *-ы/-и* Тв. падежа мн. числа муж. рода исконного склонения с древней основой на *-*ō*: *со товарищи*.

Имеется случай сохранения древней парадигмы склонения в ед. числе всего одной лексемой. Речь идет о слове *путь*, отнесенном А.А. Зализняком в «Грамматическом словаре» к типу «м 8в», к которому не принадлежит больше ни одно слово [Зализняк 2003: 40]. Здесь сохранена древняя парадигма склонения ряда существительных муж. рода, имевших праславянскую основу на *-*ī*. Все прочие существительные муж. рода с этой основой перешли в истории русского языка в склонение на *-*ō*. Впрочем, совокупность форм Р.-Д.-П. *пути, Т. путём* сохраняет только литературный язык. В говорах же формоизменение слова *путь* тем или другим способом унифицируется. Там, где это существительное сохраняет муж. род, оно разделяет судьбу остальных существительных *-склонения муж. рода, т.е. получает формы по *-*ō*-склонению: Р.п. *пуця*, Д.п. *путю*, П.п. *о путе*. Ср. редкие случаи отражения такого развития в памятниках письменности: *дольготы поутя*; *ѿ поута* (Рязанская кормчая 1284 г.). В тех же случаях, когда существительное *путь* сохраняет свои старые формы Р.-Д.-М. падежей (*пути*), в русских диалектах оно не удерживается среди слов муж. рода и переходит в жен. род, для которого такие формы в пределах III субстантивного склонения нормальны (т.е. *моя путь, моей пути, к моей пути, моей путей, о моей пути*).

В древнерусском языке были распространены притяжательные прилагательные с суффиксами *-ов-*, *-ин-*, *-ьї-* (типа *холопий, бабий, вълчий, божий*) и **j*, от которого остался рефлекс, выражающийся в чередовании согласных ([j]) вызвал переходное смягчение конечного согласного основы или привел к появлению «*l erentheticum*»), например, *Давыжь* от *Давыдъ*, *посадыничъ* от *посадыникъ*, *Володимѣрь* от *Володимѣрь*, *Воиславъ* от *Воиславъ*. Гораздо менее

⁵ О двух типах окончания родительного-местного падежа слова *дѣва* см.: [Историческая грамматика древнерусского языка 2006: 92–94].

распространенными были прилагательные с суффиксом *-ьн'*, так как в основном они были ограничены словами, образованными от существительных со значением родства *отньн, матерньн, дгдньн, братьньн, мужсьн* и т.д. Прилагательных с суффиксом *-ьн'* вне этой семантической группы было мало, например: *господьньн, владычьньн, дружсьньн*. В праславянском языке притяжательные прилагательные склонялись только по именному склонению, но постепенно, уже в древнерусском языке, в их парадигмы начали проникать некоторые местоименные (полные) формы. Первыми приобрели такие формы косвенные падежи мн. числа и Тв. падеж ед. числа муж. и ср. рода, например: *робыихъ въ(вериць)* 'денег за рабыню' (Новг. бер. гр. № 335 (60–70-е гг. XII в.), *со розбоиниковымъ товаромъ* (Гр. рижан к Витебскому кн. Михаилу Константиновичу ок. 1300 г.) (ср. в той же грамоте именную форму М. падежа ед. числа жен. рода *у розбоиникове клетки* 'в клетки разбойника'). Постепенно новые местоименные формы стали проникать и в другие косвенные падежи ед. числа⁶, и в итоге в современном русском языке притяжательные прилагательные имеют смешанный тип склонения, обладая как адъективными, так и субстантивными окончаниями. Впрочем, сохранились только словообразовательные типы с суффиксами *-ов-*, *-ин-*, *-ьн'* (совр. *-иц-*), тогда как прилагательные с суффиксами **ji* и *-ьн'* утратились. Отдельные слова с суффиксом *-ьн'* перешли в разряд относительных прилагательных, например, изредка встречающееся слово *мужний*, ср:

Мужний высокий чин и большую должность она считала как бы себе принадлежащими и умела требовать все положенное ей, по ее разумению. (Л. Улицкая. Медя и ее дети).

Произошла также контаминация с прилагательными с суффиксом *-ин-*, вследствие чего возникли редко встречающиеся слова, изменяющиеся по притяжательному типу склонения: *мужнин, братнин, зятнин, девернин, дочернин*. Академическая грамматика 1980 г. квалифицирует их как устаревшие [Русская грамматика 1980: 271]. Ср.:

⁶ У прилагательных с суффиксом *-ов-* не возникло, однако, местоименных форм в Р. и Д. падежах ед. числа муж. и ср. рода (*от отцова стола, кресла, к отцову столу, креслу*).

Так я и вышла замуж неполных шестнадцати лет; даже после венчания все куклы свои в *мужнин* дом перевезла. (А. Куприн. Юнкера);

Я раз пришел в двух левых сапогах. Правый отдал в починку, а *братнин* левый из отношений еще годился надеть. (Л. Гумилевский. Судьба и жизнь (1969) // «Волга», 1988)⁷.

В современном русском языке в качестве реликта осталось лишь одно слово, имеющее суффикс *-ьн'* и полностью сохраняющее значение притяжательного прилагательного, — *господень*. Его парадигму склонения А.А. Зализняк выделяет в уникальный типа «п <мс 2*а>» [Зализняк 2003: 63]:

Ед.	муж. и сред. роды	И.	муж.	госпо́день
			сред.	госпо́дне
		Р.		госпо́дня
		Д.		госпо́дню
		В.	муж. неод.	госпо́день
			муж. одуш.	госпо́дня
			сред.	госпо́дне
		Т.		госпо́дним
		П.		о госпо́днем
	жен. род	И.		госпо́дня
		Р., Д., П.		госпо́дней
		В.		госпо́дню
		Т. ⁸		госпо́дней
Мн. (всех родов)	И.		госпо́дни	
	Р., П.		госпо́дних	
	Д.		госпо́дним	
	В.	неод.	госпо́дни	
		одуш.	госпо́дних	
	Т.		госпо́дними	

Формы с субстантивными окончаниями, восходящими к древним формам именного склонения, выделены в таблице курсивом. Словоизменение прилагательного *господень* соответствует сложившемуся в истории русского языка словоизменению притяжательных прилагательных.

В древнерусском языке, в отличие от современного русского, имелась разветвленная система форм сравнительной степени прилагательных. Существовали именные формы, имеющие преимущественно окончания мягкого варианта *ѡ- и *а-склонений, например: И. падеж ед. числа *старѡи*,

⁷ Примеры употребления прилагательных *мужний, мужнин, братнин* взяты из НКРЯ (<http://www.ruscorpora.ru>).

⁸ В этой форме имеется параллельный вариант с окончанием *-ею* (*господнею*), который в современном языке употребляется редко.

старъѣ, старъѣиши, Р. падеж ед. числа *старъѣиша, старъѣишь* и т.д., а также местоименные (полные) формы, образованные по тому же принципу, что и у положительной степени, например: И. падеж ед. числа *старъѣи, старъѣею, старъѣишии*, Р. падеж ед. числа *старъѣишего, старъѣишьгъ* (подробнее см.: [Галинская 2016: 257–258]). В истории русского языка именные формы сравнительной степени утратили склонение и согласование по роду и числу и застыли в одной форме ср. рода ед. числа: *выше, дороже* и т.д. Местоименные же формы сравнительной степени распространили суффикс *-ѣиш-(-ѣиш-)* или *-иш-* на И. падеж ед. числа муж. и ср. рода, откуда современные образования типа *сильнейший, крепчайший, высший; сильнее, крепчайше, выше*, и, продолжая склоняться, постепенно приобрели значение превосходной степени. Но склоняемые формы с суффиксом *-ѣиш-(-ѣиш-)* в исконном значении сравнительной степени еще долго были свойственны русскому литературному языку и достаточно часто употреблялись в произведениях авторов рубежа XVIII–XIX вв. Ср. примеры различных прилагательных, извлеченные из «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина:

Первые Варяги Киевские осмелились пройти сквозь их острые скалы и кипящие волны с двумястами судов: Олег со флотом в десять раз *сильнейшим*;

Впрочем, мы не можем заменить летосчисления Несторова другим *вернейшим*;

Угощение заключилось также дарами, еще *умереннейшими* первых.

Современный русский литературный язык такого употребления уже практически не знает, хотя имеет некоторые его реликты, в частности, форму *позднейший*, которая обычно выражает значение сравнительной, а не превосходной степени. Например:

Средняя литература бывает интересна для современников (по разным причинам) и для историков литературы. *Позднейший* читатель читательски ее не воспринимает. (Л. Гинзбург. Записные книжки. Воспоминания. Эссе (1920–1943))⁹.

Здесь, как и во многих аналогичных контекстах, которые можно найти в текстах, написанных на современном русском литературном языке, *позднейший* означает

‘более поздний’, а не ‘самый поздний’¹⁰. Особую группу составляют прилагательные с суффиксом *-иш-*: *больший, меньший, лучший, худший*. Они также не приобрели значения превосходной степени, а удерживают значение компаратива.

И, наконец, опишем реликт одного древнего синтаксического построения, который, правда, сейчас лексически ограничен. В древнерусском языке существовали сложные конструкции со значением принадлежности лицу, обозначенному существительным с приложением (в частности, лицу, обозначенному именем и фамилией): *жена князя Игоря или слуга Ивана Петрова*. Здесь были возможны три способа выражения. Первый способ: два родительных принадлежности, например: *внукъ Мономаха Володимера* (Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку), но такие конструкции встречались редко. Второй способ был гораздо более частотен: использовались два притяжательных прилагательных, например: *Моисѣи княжь печатникъ Федоровъ печаталь* ‘Моисей, хранитель печати князя Федора, приложил печать’ (Смоленская грамота 1284 г.). Еще более употребительным был третий способ: сочетание родительного принадлежности с притяжательным прилагательным, например: *а уделъ сына моего Федоровъ* (Духовная грамота царя Ивана Васильевича 1572 г.), т.е. ‘удел моего сына Федора’; *на Силино покоиника мѣсто* (Жит. Аввакума), т.е. ‘на место покойника Силы’ [Историческая грамматика русского языка 1978: 156–157]. В процессе развития русского языка победил первый способ, наименее употребительный в древнерусском, второй способ исчез бесследно, примеры третьего способа А.А. Шахматов отмечает в языке XIX в.:

Вышел я оттуда домой, дошел до *отца протопопова дома*, стал перед его окнами... (Н. Лесков. Соборяне, I, 3);

...позвольте, я на *отца Захариину трость* сургучную метку положу или нарезку сделаю. (Там же, I, 2) [Шахматов 1941: 289].

¹⁰ В некоторых западных русских говорах до сих пор регулярно употребляются склоняемые формы с суффиксом *-ѣиш-* именно со значением сравнительной степени, а не превосходной: *беднейший* ‘более бедный’, *богатеише* ‘более богатые’, *молодейшая* ‘более молодая’ и т.д. [Дialeктологический атлас русского языка: карта 58].

⁹ Пример из НКРЯ (<http://www.ruscorpora.ru>).

Очевидно, что для современного русского языка такие предложения уже невозможны, но в лексически ограниченных случаях этот архаичный способ выражения принадлежности жив и по сей день. Речь идет о преобразовании сочетаний слов *дядя* и *тетя* с именами, которые способны образовать притяжательное прилагательное¹¹, во вполне употребительные поссессивные конструкции типа *дяди Петин стол*, *тети Машина книга*¹². Правда, эти конструкции возможны только, если сочетание Р. падежа и притяжательного прилагательного стоит в препозиции к определяемому слову. Здесь, конечно, имеется в виду прямой, стилистически нейтральный порядок слов. При интенции же говорящего использовать прямой порядок и поставить определяемое на первое место притяжательность будет выражена обычным для современного русского языка способом — двумя родительными падежами: *стол дяди Пети*, *комната тети Маши*.

Итак, сейчас существуют разнотипные реликты древних языковых явлений, в целом исчезнувших на протяжении истории русского языка, и зачастую эти реликты имеют достаточно нетривиальный характер.

ЛИТЕРАТУРА

Галинская Е.А. Историческая грамматика русского языка. Фонетика. Морфология. — М., 2016.

Диалектологический атлас русского языка (Центр европейской части СССР). Карты. — Выпуск II. Морфология. — М., 1989.

Жолобов О.Ф. Числительные // Историческая грамматика древнерусского языка. — М., 2006. — Т. IV.

Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. — М., 2003.

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. — М., 2004.

Зализняк А.А. Древнерусское ударение. Общие сведения и словарь. — М., 2014.

Зализняк А.А. От праславянской акцентуации к русской. — М., 1985.

Зализняк А.А. Противопоставление вопросительных и относительных местоимений

в древнерусском // Балто-славянские исследования 1980. — М., 1981. — С. 89–107.

Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение / под ред. акад. В.И. Борковского. — М., 1978.

Словарь русских народных говоров. — СПб., 2001. — Вып. 35.

Русская грамматика. — М., 1980. — Т. I: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Введение в морфемику. Словообразование. Морфология.

Русская диалектология / под ред. Л.Л. Касаткина. — М., 2005.

Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие / под ред. Р.Ф. Касаткиной. — М., 1999.

Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. — М., 2001.

Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. — 2-е изд. — Л., 1941.

REFERENCES

Galinskaya E.A. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Fonetika. Morfologiya, Moscow, 2016.

Dialektologicheskii atlas russkogo yazyka (Tsentral'noyevropeiskoy chasti SSSR). Karty. Issue II: Morfologiya, Moscow, 1989.

Zholobov O.F. Chislitel'nye in Istoricheskaya grammatika drevnerusskogo yazyka, Moscow, 2006, vol. IV.

Zaliznyak A.A. Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka, Moscow, 2003.

Zaliznyak A.A. Drevnenovgorodskii dialect, Moscow, 2004.

Zaliznyak A.A. Drevnerusskoe udarenie. Obshchie svedeniya i slovar', Moscow, 2014.

Zaliznyak A.A. Ot praslavyanskoy aktsentuatсии k russkoy, Moscow, 1985.

Zaliznyak A.A. Protivopostavlenie voprositel'nyh i otnositel'nyh mestoimenii v drevnerusskom in Balto-slavyanskoe issledovaniya 1980, Moscow, 1981, pp. 89–107.

Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Sintaksis. Prostoe predlozhenie, pod red. akad. V.I. Borkovskogo, Moscow, 1978.

Slovar' russkikh narodnykh govorov, Sankt-Petersburg, 2001, issue 35.

Russkaya grammatika, Moscow, 1980, vol. I: Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Vvedenie v morfemiku. Slovoobrazovanie. Morfologiya. Russkaya dialektologiya, pod red. L.L. Kasatkina, Moscow, 2005.

Russkie narodnye govory. Zvuchashchaya khrestomatiya. Yuzhnorusskoe narechie, pod red. R.F. Kasatkinoi, Moscow, 1999.

Testeleys Ya.G. Vvedenie v obshchii sintaksis, Moscow, 2001.

Shahmatov A.A. Sintaksis russkogo yazyka, Leningrad, 1941.

¹¹ В современном русском языке крайне ограниченно употребляются притяжательные прилагательные с суффиксом *-ов-*, а прилагательные с суффиксом *-ин-* от большинства личных имен I склонения образуются свободно.

¹² Допустимы, по всей видимости, и конструкции типа *дедушки Борино кресло*, *бабушки Варина чашка*.